

Любовь Александровна
Гребнева

Аврал

Разное

Любовь Гребнева

Аврал. Разное

«Издательские решения»

Гребнева Л. А.

Аврал. Разное / Л. А. Гребнева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517535-9

Книга содержит стихи, размышления и наблюдения разных лет, а также публицистические тексты на злобу дня. В книгу включены стихотворение и статья моего отца Гребнева Александра Андреевича, преподавателя Куйбышевского педагогического института.

ISBN 978-5-00-517535-9

© Гребнева Л. А.
© Издательские решения

Содержание

СТИХИ	7
Песня про Фантомаса	7
так говорит багира	9
Диалог на экологическую и философскую тему	10
Ожидание	11
Стихи ко «Дню согласия и примирения»	12
За гранью	13
Утро Нового мира (когда уже наконец можно снять противогаз)	14
Подруга юности	15
Товарищ (письмо в Бишкек Жолдошу Турдубаеву)	16
Поучения	17
Всё будет иначе	18
Стихи для бухгалтерии	19
Сумерки	20
Крутой монолог	21
Перечитав «Тараса Бульбу»	22
Проблемы	23
Знание	25
Нестыковка	26
Песня протеста (ассоциация с картиной Чюрлёниса «Стрелец»)	27
Предчувствие	28
Дело	29
Свобода	30
Перестроечное	31
На окончание перевода монографии «Физические свойства арсенида галлия (GaAs)»	32
«Встань с колен, товарищ Ельцин!..»	33
Выживание (послеперестроечное)	35
Параллельные миры	36
Предтеча	37
Встреча миров (Пришествие)	38
Подражание японцам	39
По пути на вокзал к первой электричке	41
Пляжная погода	42
Непляжная погода	43
Аврал в музее им. Алабина перед открытием промышленной выставки и приездом мэра	44
Чаепития	45
Научно-практическая конференция «Актуальные проблемы этнической и религиозной толерантности в Поволжье»	46
Плач о липе	47
Цивилизация	48
Ёлка (воспоминание о лесочке, выросшем на месте порубки сосенок на новогодние ёлки)	49
Частушки про кнопочки (на мотив «Ой, Самара-городок»)	50
Не горюй, дружище Клят (песня по заказу детей)	51

Частушки про харизму	52
Кайф за круглым столом (японская поэма в 3 частях)	53
Песня прорыва	54
Рай на земле	55
Детям	56
Вечер в интернете	57
Хвала интернету	58
Лесенка	59
Прибавление дня	60
Молитва за Каддафи	61
ОНЕГИН ВОЗВРАЩАЕТСЯ	62
ПИСЬМО СОТРУДНИКАМ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ	75
Черепahi	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Аврал Разное

Любовь Александровна Гребнева

*Посвящается 100-летию Великой Октябрьской
социалистической революции*

© Любовь Александровна Гребнева, 2020

ISBN 978-5-0051-7535-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Что не так – я прощенья прошу.
Я вообще-то стихов не пишу.
Это просто сейчас аврал.
Это значит – кругом обвал.
Разбираться времени нет,
Кто поэт, а кто не поэт.
Если чувствуешь – близок край
И ползёт отовсюду беда —
Окликай живых, окликай!
Отзовутся они всегда.*

СТИХИ

Песня про Фантомаса

Он всегда застигает врасплох:
Даже глазом моргнуть не успеем —
И смешно, как мы сразу немеем
От его омерзительных слов.
И звучит омерзительный смех,
Стиснув панцирем душу и тело.
Как он нас раздавил, как сумел он
Маску страха напялить на всех...

Фантомас!
Это нашего страха лицо!
Это синяя морда без глаз!
Кто на свете ничтожнее нас,
Потерявших от страха лицо,
Потерявших свое лицо...

Но всегда есть хотя бы один
Или горсточка неустрашимых,
Что готовы принять поединок,
Не считаясь с неравенством сил.
Мы глядим в раскалённый экран,
Мы за битвой следим, цепenea,
Проклиная в душе супермена,
Но не в силах помочь смельчакам...

Фантомас!
Это нашего страха лицо!
Это синяя морда без глаз!
Кто на свете ничтожнее нас,
Потерявших от страха лицо,
Потерявших свое лицо...

Он уйдёт, по уступам гремя,
Но не сгинет и в бездну не канет:
Сменит маску опять – и воспрянет,
И не знаем ни часа, ни дня.
Вечный спутник Земли – Фантомас —
Возвращается снова и снова.
Не смутимся же. Будем готовы.
Не отступим на этот раз.

Фантомас!
Это – нашего страха лицо!..

Это – синяя морда без глаз...
Посмотри – ОН ничтожнее нас.
Посмотри – ОН теряет лицо,
Если страха не видит в нас.
(июль 1995)

так говорит багира

Маленький брат мой,
любимый мой лягушонок!
Стой прямо всегда и всегда будь весел,
пусть никакая слякоть тебя не смутит!
Всем лукавым скажи:
«Отвалите! Плевал я на вас!».
В *этих* джунглях нету закона.
Но во Вселенной он – есть.
Туда и смотри.
Так говорит Багира
постперестроечного пространства.
(2000)

Диалог на экологическую и философскую тему

Музейный рабочий угрюмо смотрел,
Как я увязываю картонки:
– У нас такого добра навалом.
Мы всё выбрасываем и сжигаем.
– Грех, говорю, сжигать картон.
– А мы атеисты, мы в бога не верим.
– Причём тут бог? Пионеры тоже
сдавали когда-то макулатуру.
– И пионеров больше нету.
...Вон Павлик Морозов – был герой,
а теперь он – плохой человек!
– (Эх, и заткнулся б ты лучше, дядя.
И без твоей философии тошно.
Небось, хочешь выпить – и все дела).
Но вслух я это уже не сказала.
(2000)

Ожидание

Все живое слышит и знает: НЕЧТО грядёт...
Возбужденно вращает усами
первопроходец Земли таракан.
Чуткая черепаха медлит ложиться в спячку:
она усердно копает пространственно-временную клетку...
Сама Повседневность прижала уши:
с восторгом и ужасом смотрит Туда,
Где сгущаются капли тысячелетий:
вот сейчас... одна... упадет.
Взгляните и вы Туда:
охранник, механик, научный сотрудник, завхоз...
Взгляните. Замрите.
И станьте на миг С собой.
(осень 2000)

Стихи ко «Дню согласия и примирения»

Я пришла. Левон* меня облаял.
И вот в этот благостный момент
Из окошка высунулась Галя
И сказала мне, что Клары дома нет.
Свет померк и жизни мне не стало:
– Где ж она? Ведь с ней у нас дела...
– Вот, пока я рисовала генерала,
Клара с кем-то из дому ушла.
– Да на генерала я плевала!
В белых тапках я его видала!
Тут куда-то подевалась Клара,
А она толкует мне про генерала!
Вдруг смотрю – идет, рукою машет.
У меня разыграл энтузиазм:
Мир не рухнул – вот что это значит!
Клара! Ты прости мне мой маразм.
Галя! Я вспылила не нарочно.
Трудно хлеб насущный добывать —
Может быть, Вам даже видеть тошно
Эту морду, а не то что рисовать.
...Или нас еще лупили мало?
Иль не впрок пошел XX век?
Ну зачем я облажала генерала?
Генерал ведь – тоже человек.
(2000)

*Левон – сторожевой пес у Клары. Речь идёт о Кларе Саркисян, которой я в то время технически помогала писать книжку. Галя – это мать её невестки, художница. Днём «Согласия и примирения» в то время именовалось 7 ноября, т. е. годовщина Октябрьской революции.

За гранью

Всё исчезло за гранью сна.
Но вдогонку
донеслись, как пароль, как начало стиха,
слова: «Прибой и Философ».
Кто их послал?
Спасибо! Я слышу!
Не умолкай же, Прибой.
До встречи, Философ.
(2001)

Утро Нового мира (когда уже наконец можно снять противогаз)

...И мы вдыхаем этот воздух – осторожно, но с долгожданным доверием. Вот так же трепетно коты ранней весной трутся мордочками о голые прутики, и кончики хвостов у них дрожат.

(Коты чувят начало движения соков в растении).

Подруга юности

Когда твоя душа была жива
и беззащитна до слёз,
помнишь, ты говорила:
«Пошлости – не хочу!»
Эх, дорогая...
Надо было сильнее
не хотеть.
(2001)

Товарищ (письмо в Бишкек Жолдошу Турдубаеву)

Что такое товарищ?
Спроси у ребёнка, он скажет:
«Это тот, кто рядом с тобой
в Космосе и в океане,
на полюсе и в горах...»
И много еще припомнит
героических мест и времён...
Но забудет сказать про болото.
Здравствуй, Жолдош, в переводе – товарищ!
Нас мало, но мы – в тельняшках
и выполним главный завет всех Писаний:
НЕ УНЫВАТЬ
ни при какой погоде!
(2001)

Поучения

1. Чаще смотри на небо
зорко и равнодушно.
Взгляни только раз —
и уже не спросишь: зачем?
2. Чаще смотри на землю
зорко и равнодушно:
там порою можно найти
какой-нибудь очень нужный
шурупчик.
(2001)

Всё будет иначе

Господи, дай только случай —
всё будет иначе:
не струшу и не предам,
не растеряюсь,
не забуду,
не подведу.
– Я дам тебе случай.
Но уж смотри...
(2001)

Стихи для бухгалтерии

Выдать смертному деньги —
какое искусство!
Немногим оно доступно —
лишь посвящённым.
Выдавая смертному деньги,
отринь все мирское.
Пусть дух пребывает в высших мирах,
а руки движутся сами —
не слишком медленно
и не слишком поспешно —
плавно и отрешённо,
как движение планет вокруг Солнца.
А уж смертный берёт, как умеет.
На то он и смертный.
(2001)

Сумерки

Тихо в музее.
Задумчив охранник.
Начинается самый таинственный час...
...Я выхожу – невесома.
И меня укрывает
фиолетовый плащ-невидимка.
И невесомы дома.
И трамваи бесшумно летят над землёй...
Замерло время.
Всё. Зажглись фонари.
Опустились на землю дома и трамваи.
Меня дома будут ругать.
(2001)

Крутой монолог

Когда у тебя в кармане
Есть хоть один доллар,
Ты – человек не пропащий.
Гляди, что на нем написано
(читать по-английски умеешь?):
In God We Trust —
На Бога мы уповаем.
Понял, пролетарий всех стран?
Когда у тебя есть доллар,
Ты уповаешь на Бога.
А если у тебя их 500,
Ты уповаешь в 500 раз сильнее.
На Бога.
Вот почему из-за доллара
все нормальные люди
делают друг другу пиф-паф
и бо-бо.
Он стоит того!
С ним не забудешь...
Бога. Что рожу кривишь?
Не согласен?
Ну, так ты – еретик.
И даже гораздо хуже:
Ты – лох.
(2001)

Перечитав «Тараса Бульбу»

Уже две тыщи первый год...
Скажи – куда нас прёт?
И страшно посмотреть вперёд,
И страшно дать отчёт.
Вот и Двадцатый промелькнул.
Итоги? Не плохи:
Ты – басурман, а я – гяур,
И оба мы – лохи.
(2001)

Проблемы

1.

Четыре черепахи
залезли под кровать,
нашли пустые тапки
и сели размышлять.
Мучительной загадки
никто решить не мог:
а что такое тапки,
когда в них нету ног?
Умишки напрягают,
но ускользает суть...
И с нами так бывает:
идёшь куда-нибудь —
вдруг замирает сердце,
и видишь, как во сне,
таинственную дверцу
в глухой-глухой стене.
А что за нею скрыто,
куда ведет она —
давным-давно забыто.
Ужели навсегда?
Но кто-то знает, помнит.
И эту дверцу ОН
когда-нибудь откроет
единственным ключом.

2.

Ключа не нашлось, вскрыли ломом.
Понадобился подвал.
Ну что так стоять?
Входи, посмотри на тайну —
а вдруг там какой-нибудь клад?
Ой-ой-ой! Да тут чьи-то тетрадки:
«6-го „Б“ класса. Матвеева Коли».
Понятно.
Вот задачки.
А вот сочиненье – про осень.
А тут – человечки. И рожицы.
Да какие смешные!
Видно, тетрадки старинные, до перестройки:
тут еще нет слова «лох».
Коля, Коля Матвеев...
Где ты теперь?

3.

– Так вы Николай? Матвеев?
– Да-а. А что?
– А вот это не ваши тетрадки?
– Ну-ка, ну-ка...
Да... Похоже, мои.
Где вы их откопали?
– Недалеко, тут, в подвале.
Интересно было читать!
– А на что вам все это?
– Ни на что. Просто так.
– Однако.
У вас что же – нету других проблем?
– Ась? Нету – чего? Проблем?!
Я слишком маленький человек,
чтобы иметь проблемы.
(2002)

Знание

Чтобы знать о том, как выносив кабель,
мало его рассчитать, и мало его изготовить,
и проложить, и испытать на прочность.
Надо БЫТЬ им.
Или... надо быть с ним ЗАОДНО.
Вот и приходим мы в этом мир снова и снова,
чтобы в конце концов, уходя,
знать о том, как выносив кабель.
(2002)

Нестыковка

Опять отложена «стыковка»
По воле – я не знаю чьей.
Ну что ж, пойди и выпей кофе,
Нутро маленько обогрей.
 Вот коржик, плюшка и ватрушка —
 Все блага. Что еще желать?
 Свободен столик у окошка,
 Сейчас мы примемся жевать.
А за окошком – ад крошечный:
Рвет душу ветер, лупит снег,
И мне хотелось бы, конечно,
Не уходить отсюда век.
 В углу какой-то кустик в кадке,
 Вздыхая, нехотя растет...
 Ну вот, а мы уже в порядке,
 И можно двигаться вперед.
Шумит стихия городская,
Нам и чужая, и своя.
Стоим под вьюгой, ждем трамвая —
Толпа людей, таких как я.
(1983)

Песня протеста (ассоциация с картиной Чюрлёниса «Стрелец»)

Против смерти недаром извечно,
Чуть привыкнув себя сознавать,
Возмущается дух человеческий
И не хочет ее принимать.

 Да здравствует жизнь вопреки всему!

 Ведь жизнь – это вызов богам!

 Да здравствует жизнь – и позор тому,

 Кто сложит оружие сам.

Не смирайся с насилием смерти,

Бейся с ней на любых рубежах.

Даже там, где удача не светит,

Злобный натиск ее отражай.

А когда и бороться не сможешь,

Головы не склоняй перед ней:

Из оставшихся сил плюнь ей в рожу,

И посмотрим ещё – кто сильней!

 Да здравствует жизнь вопреки всему!

 Ведь жизнь – это вызов богам!

 Да здравствует жизнь – и позор тому,

 Кто сложит оружие сам.

(1983)

Предчувствие

Мы родились, росли и зрели
С угрозой атомной войны.
Мы к ней привыкли. Мы не верим,
Что, может быть, обречены.
 И как поверить в это, если
 С утра завариваешь чай,
 И так уверенно по рельсам
 Бежит наполненный трамвай...
Но иногда, в ночном кошмаре,
Когда на сердце тяжело,
Как током, ужас вдруг ударит,
Что ЭТО все-таки пришло —
 Как если иве и березе
 ДАНО ПРОЗРЕТЬ в последний тот
 Момент, когда на них бульдозер
 Не останавливаясь прёт.
(1983)

Дело

Квартира наша – окнами на запад.
Открыто небо для души и взгляда:
То жгучие и грозные закаты,
То бурных туч угрюмые парады.
 Не здесь ли обретается бессмертный,
 Не знающий покоя дух Петра?
 И в комнату врываясь вместе с ветром,
 Не он ли говорит тебе: «Пора!
Не мешкай! Что там у тебя заело?
Немедленно себя преодолей!
Возьми свое заброшенное Дело
И больше выпускать из рук не смей!»
(1983)

Свобода

Если тяжко тебе и трудно,
Не всегда дозовешься друга.
Но «доброжелателей» прорва
Навалиться всегда готова.
Им твоя, хоть малая, слабость,
Как на свете высшая сладость:
Слов елейных не пожалеют,
Чтобы сделать еще слабее,
Чтобы вовсе отнять свободу
Оставаться самим собою.

Если тяжко тебе и трудно,
Лучше выдь на пустырь безлюдный,
Где побеги вновь прорастают.
Уж они-то всех горше знают,
Как на свете трудно бывает.
Или лучше, в толпе затёртый,
Когда люди едут с работы,
С кем-нибудь, совсем незнакомым,
Перекинься веселым словом.
(1983)

Перестроечное

Кто ж из нас «диссидентом» не был
В те трусливые времена?
Не вскипал благородным гневом
За столом, после рюмки вина?
 Были дети Двадцатого съезда
 Беспощадны, остры, умны.
 Только... все прошло без последствий
 И для них самих, и для страны.
Не сложили за правду головы.
Лишь игрой осталась игра.
Вышли, благополучно и вовремя,
В кандидаты и в доктора.
 Но с застольным пылом по-прежнему,
 Сколько раз – и не сосчитать,
 Продолжали «застой» Брежнева
 Обличать и ниспровергать.
А с годами, увы, с годами
Даже этот пыл поукас.
Стали песни любимы нами
Про Судьбу, что «сильнее нас»,
 Что незыблемы подлость и низость
 («Что поделаешь – век такой»)
 ...И не мы им бросили вызов.
 И не мы с ними вышли на бой.
(октябрь 1985)
Тогда я подразумевала, что не мы, а М. С. Горбачев.

На окончание перевода монографии «Физические свойства арсенида галлия (GaAs)»

В те дни, когда мечты рождались
И строки первые писались
Про сфалеритовый кристалл,
Еще не снились нам утраты,
Еще Чернобыль выдавал
Сверхплановые киловатты,
И, кроме премий, ничего
Не грезилось отцам его.
 А нынче беды ходят рядом...
 Но жизнь неистребима в нас:
 Дохнул сентябрь осенним хладом —
 И, наконец, готов заказ.
Кто б ни был ты, мой друг читатель —
Технолог, физик, кто иной —
Пускай хранит тебя Создатель
От неприятности любой:
Утечки, взрыва ли, пожара,
От примитивного ль удара
В потоке, в оживленный час...
И с тем примите сей GaAs.
(1986)

«Встань с колен, товарищ Ельцин!...»

О, счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! (Л. Толстой)

Встань с колен, товарищ Ельцин!
Хватит каяться, Борис!
Перед низким сбродом этим
Не склоняйся и держись!
 До сих пор не знал ты разве,
 Нынче в первый раз открыв,
 Как людей мешают с грязью
 «Образцовый коллектив»?
Есть вина твоя, не скрою,
Есть в идеях перекося:
Эту гласность с перестройкой
Слишком принял ты всерьез,
 Не учел, что всё – условно,
 Слишком мафии чиновной
 Не пришелся по нутру,
 Ты им портил всю игру.
Ну, теперь Москва с обновой:
Поприветствуем Зайкова!
Этого не прошибёшь —
Он всегда для всех хорош.
 Браво, Михаил Сергеич,
 Всех народов друг и брат!
 Как позор отмыть сумеешь,
 Наш великий демократ?

Написано в ноябре 1987 года, сразу после Пленума МГК КПСС, на котором травили Ельцина. Как подумаешь – какими же мы были тогда детьми... На работе, в ОНТИ (отдел научно-технической информации), женщины по очереди читали газету с материалами Пленума и подавленно молчали. Кто-то сказал: «Да что же это такое? Опять 37-й год начинается?» Потом накинулись на Горбачёва и заголосили: «Девочки! А вспомните – как мы его любили!» Я, как всегда в таких случаях, чувствовала бешенство и бессилие. Надо немедленно куда-то бежать и что-то делать. Но куда бежать? Что делать? После работы я прибежала на Сенатскую площадь: почему-то подумала, что и другим это придёт в голову. А там – безлюдье и глушь. Только в аллее на скамеечке сидела одинокая старушка и бессмысленно смотрела перед собой. Мне представилось, что я вижу фильм: события на этой площади 14 декабря 1825 года, затем смена кадров и – старушечье лицо и ничего не выражающий взгляд, от которого становится жутко. Но ведь это, думаю, не фильм, и я могу с ней заговорить. «Не замерзнете тут, бабушка?» Как она обрадовалась, каким осмысленным сразу стал ее взгляд! Она рассказала мне все свои семейные дела, и что она вышла подышать воздухом, потому что зять курит и прокурил весь дом. Потом заговорила о жизни вообще: «Как пальцы на руке не ровные, так и люди между собой никогда ровные не будут». Это был вечер пятницы, 13 ноября. А в понедельник я привезла на работу незаконченные стихи. В течение рабочего дня удалось дожать и концовку.

Наша комната бурлила. Женщины переписали стих и сказали: «Ну, вот что, Люба. Запомни: ты к этим стихам больше никакого отношения не имеешь!» Да если бы только женщины. Из других отделов приходили серьёзные люди, инженеры-разработчики, читали и с умным видом кивали головами: всё, мол, так и есть. Когда я раскрыла рот, чтобы вставить словечко, сотрудницы рявкнули: «Люба! На место!» Они боялись, что я сейчас квакну, как та лягушка-путешественница: «Это я, я придумала!» Спасибо, девочки! Вот так весело начиналась «другая» жизнь. А дальше – вы знаете.

Выживание (послеперестроечное)

Бродячие собаки сбились в стаю,
Так легче выжить в городе большом.
Юнцы уже другого и не знают:
Им непонятно, что такое «дом».
 Но старый пес до смерти не забудет
 Ту жизнь, когда оберегал порог,
 И службу нес, и был почти как люди.
 А Человек... Он был почти как Бог.
Не боги люди. Нет! Совсем не боги.
Теперь-то уж он знает, он постиг:
Они трусливы, лживы и убоги.
И кончено. И дела нет до них.
 Собачью правду и собачью веру,
 Однажды в жизни потеряв навек,
 С презреньем на двуногих лицемеров
 Глядит вожак из-под тяжелых век.
Пустая, беспросветная дремота:
Валяются – кто спит, а кто без сна —
И открывать глаза им неохота,
Ведь нет того, чем жизнь озарена.
(июнь 2002)

Параллельные миры

У кота на рассвете мёрзнут уши и лапки.
Свежий и бодрый котяра по крыше знает, куда бежит.
Где уж нам до него...

Цветения вязов никто не заметил.
Их облик забыт. Даже имя
помнят едва.
А они
живут, как и раньше, на свете.
Да? – Да.
(2002)

Предтеча

Легко ли рождать облака
Среди раскалённого неба?
Легко ли родить дуновение
Среди неподвижности мёртвой?
А вот ведь пришло оно – непонятно откуда.
Как хорошо...
(14 июля 2001)

Встреча миров (Пришествие)

Клокочущая мгла нависла,
Творя сурово свой обряд.
Полны неведомого смысла
Перемещения громад.
 Там видно, как вершит пространство
 Гигантский, вдохновенный труд —
 И облака в строю согласном,
 Куда назначено, идут.
Они идут несокрушимо,
И воля их неудержима —
Пробить земную духоту,
С землёй дождём соединиться,
Когда терпеть неволю.
...Так всё на свете может сбыться.
(июнь 2002)

Подражание японцам

*

Тук-тук – постучалась мысль,
как синичка в окно.
Ты вернулась? Не улетай!

*

Деньги не пахнут. Они смердят:
идешь по улице – ну и амбрэ...
Хоть топор вешай.

*

Царство Божие наступает
Первого Мая.
Вот и получку дают на неделю раньше!

*

Сосед крепился две недели.
Он обещал жене не пить...
– И это всё? – спросил Басё.
– Да. Всё.

*

Унитазы, как малые дети,
рады своей белизне.
Их ведь можно понять...

*

Убирать туалеты?
Не-ет! Только не это!
Свои какашки все-таки милей.
(Так отвечали уборщицы на предложение завхоза убирать туалеты)

*

День Парижской Коммуны...
Последний снежок
летит и щекочет лицо.

*

Когда собаки друг у друга рвут кусок,
они не говорят об идеалах.
Люди... говорят.

*

Вчерашние катастрофы, как вчерашние цены,
не держатся в памяти.
Надорвалась
бедная кляча истории.

*

Бурей подхваченный,
вольный мешочек летит в вышине,
ручки свои распластав.
(Полиэтиленовый мешочек был очень счастлив)

*

Окурки, смешанные с лепестками роз...
О, Господи! Ответь мне: для чего
Им – розы?!
(Таков был состав мусора в женском туалете)

*

Блещет Марс во дворе на дубу.
Мир устал.
(Ночь на 17 июля 2003 года)

*

Коллиус! Незатухающий уголь,
вечно готовый вспыхнуть
новым огнём!

*

Минута тишины.
Минута пониманья.
Придёт – пронзит.

*

В коробочке в углу
Котята мать сосут.
Урчанье наполняет дом.

*

С рассветом карнавал затих.
Взирает солнце
на голые, бесчувственные пятки.
(Отпад после ночной оргии на пляже).

По пути на вокзал к первой электричке

1.
Час самый поздний
и самый ранний —
один.
2.
Перед рассветом
в городе слышно
даже сверчка.
3.
Лишь только руку протяну —
как сдуло кошку с пьедестала —
мелькнув хвостом, исчезла в подворотне.
4.
Вот одинокая машина
перед светофором
застыла, оробев.
5.
Прошла компания навеселе:
их разговор занятно слушать!
...На площадь тихо опустился звездолёт.

Пляжная погода

У берега, в солнцем прогретой воде
резвятся детеныши рыб и людей;
по ней проплывают объедки, окурки...
Ох, слишком обидная рифма – «придурки».
И крышки, и склянки, и чей-то носок
покорно легли на ребристый песок.

Непляжная погода

Серым прохладным шёлком
Заволокло, намокло.
Набережная замолкла.
Здесь упёртых немного:
Бегают два-три йога.
И отдыхает Волга.
(сентябрь 2003)

Аврал в музее им. Алабина перед открытием промышленной выставки и приездом мэра

1.

В Юрском парке, как всем известно,
дело вышло из-под контроля:
разбежались его динозавры,
на людей они наплевали
и начали жить для себя.

...

А в нашем музее опять засор:
в мойке, в раковине, в унитазе...

Был. Есть. И будет.

Потому что трубы узки,
а менять – нету денег и неохота,
и вообще люди свиньи...

Бедный сантехник надел очки
и возится уж который день.

– Ну как? Задышал что ли унитаз?

Которой ноздрей?

– Э-э-э, – сантехник только махнул рукой. —

Задышал. Да надолго что ли...

2.

Приказ: отмыть в туалетах стены!

Заранее ноет рука...

Как глянешь вокруг – ну и срут джентльмены!

Следы – аж до самого потолка.

Пока «белизна» в пузыре не иссякла

И злости запал не пропал,

За дело, мадам! Эх, сюда бы Геракла...

Ха! А разве я – не Геракл?

...В глазах темно, но на сердце отрада:

Закончен и этот труд.

Конечно, в греческих мифах – всё правда.

Да сказки вообще не врут.

За сверхурочную отработку

И чтобы скрасить жизнь,

Гераклу дали сотню. На водку.

А он на пельмени потратил её.

Чаепития

На работе главное – что? Перекур и чаепитие. (Электрик Юра)

1.

Октябрь. С неба промозглая сыплет мура.
Наши дамы размокли с утра.
И тянутся в туалет вереницей
С чайниками, чтобы набрать водицы.
Чай готов. Вожделенный миг!
В вечность он проводник.
В теплую, уютную бездонность.
В сонность.
Но пробуждение – ах! —
Всегда неминуемый крах.
И вот у бездонности обнажается дно
Горою грязной посуды.

2.

Я много помню чаёв:
в библиотеке, в музее, в КБ, у подруг...
А также на кухне у Клары.
О, этот чай...
Он другим чаям не чета.
Этот чай – как заправка топливом перед стартом.
Этот чай – как разогрев мотора на летном поле.
И ты чувствуешь с каждым глотком,
как время
разрывает свои оковы,
и машина уже поет:
«Вперед! Вперед! На взлет!»
Скоро – взлет. Скоро – старт.
Без приборов. Без карт.
В Неизвестно-куда.
Как всегда.
(После чего мы шли работать к компьютеру).
(2003)

Научно-практическая конференция «Актуальные проблемы этнической и религиозной толерантности в Поволжье»

Толерантность (ужели?)
Ныне – тема научных бесед.
Это так: ловит ухо изысканных звуков букет.
Всюду слышен интеллигентный, вполголоса, говор,
И на воздушную поступь шагов отзывается мрамор.
Эти звуки не ранят меня!
Мне даже почудилось вдруг, будто я – в Париже,
И туалет, который я мою, – тоже в Париже.
И завожу я старинную песню
Про задумчивый голос Монтана,
И с парижской улыбкою
Смотрятся в зеркало
Кандидатки наук.
(октябрь 2002)

Плач о липе

Чёрное утро. Я вижу – у липы
Искалечили ствол: ободрали кору.
Кто!? Кто!? Кто
Этот подонок, изверг, злодей!?
Где он!? Где он —
Я растерзаю его!
Липа, липа... Никто, ни один из людей
Не стоит и листика одного твоего.
Липа!
Как мне отомстить за тебя?
Какой устроить мне взрыв,
Чтобы содрогнулся весь этот подлый мир, наконец?
Ни от чего он не содрогнётся...
И я помню: учитель сказал,
Что каратель – это просто плохой работник.
И уж точно – плохой боец.
 Утро. Туман. Ни души. Впрочем,
 Здесь кто-то стоит. Да. Это рабочий
 В страхе уставился на меня
 И лепечет: «Что вы... Что вы... Ну что вы...
 Это – не я!..»
(1 ноября 2002)

Тот бедный рабочий-азиат был не на шутку напуган. Видимо, на меня действительно страшно было смотреть. На следующее лето липа стояла без коры, но в листьях и цветах. Потом засохла, но от корня пошли побеги. Теперь у неё 3 ствола, и этим летом она снова цвела. (2010 г.)

Цивилизация

Надвинулась. Обступила.
Со всех сторон обложила.
Все поры забила
глянцевая тоска.
Трудно, брат.
Небоскрёбоэтажный мат
небесною музыкой сфер
покажется рядом с ней.
(2003)

Ёлка (воспоминание о лесочке, выросшем на месте порубки сосенок на новогодние ёлки)

Вот они – новогодние жертвы:
Сосенки, прошедшие через ЭТО.
Срублен ствол.
(Ты когда-нибудь сам проходил через ЭТО?)
Но у кого сохранились внизу хоть какие-то ветви —
Что поделаешь? – надо жить
И тянуться вверх, пусть коряво и криво.
Вот и тянутся:
сосны-зигзаги,
сосны-штыки,
сосны-лиры...
А ты, может, подумал, что эта сосна – урод?
Эх, уж лучше молчи.
И не поминай ИМ про Новый год.
(31 декабря 2003)

Частушки про кнопочки (на мотив «Ой, Самара-городок»)

Не в бору девчонка ищет
До милёнка тропочки:
Ищут-ищут «генералы»
От Вселенной кнопочки.
Дорогие, да-да-да!
Вы найдёте, как всегда,
Только снова, вот беда,
Будет кнопочка не та.

Электроника и атом,
РНК и ДНК,
Экстрасенсы, телепаты —
Ну и хватит с нас пока.
Дорогие, да-да-да!
Вы нашли, но не совсем,
Есть ещё ведь кое-что,
А его не видно всем.

Что ж вы, братцы маху дали,
Как вы сразу не дошли?
В преисподней не искали
Да в себе не поскребли.
Дорогие, да-да-да!
Вы найдёте, как всегда,
Только снова, как всегда,
Будет кнопочка не та.
Ой, Самара-городок, беспокойная я...
(1995)

Не горюй, дружище Клят (песня по заказу детей)

Тяжело, дружище Клят,
Из страны в страну таскаться
И талдычить всем подряд,
Что Земля ведь – не одна.
Люди слышать не хотят,
Чтоб куда-то собираться
На далёкую планету
От родимого угла.

А Новая Земля —
Прекрасная планета!
Там бабочки летят,
Как радужные ветры,
Варанчики играют
И строят города,
И ёжики гуляют
По улицам всегда!

(лето 1995)

Не горюй, дружище Клят,
На Земле народ тяжёлый,
На подъём весьма не скорый,
Но старался ты не зря.
Не поймёшь, когда и как
Всё меняется на свете —
И уже вздыхают дети:
«Где же *Новая Земля?*»

А Новая Земля – прекрасная планета и т. д.

(лето 2005)

Примечание. Клят – мощное и благородное существо в образе Великого Варана, один из строителей Космоса, Предводитель Земли. (Из детской мифологии).

Частушки про харизму

Мы про то, что сердцу близко,
Разговоры поведём
И частушки про харизму
Вам сегодня пропоём.
 Ой, харизма-харизма,
 Где тебя набраться?
 Я не приложу ума —
 Подскажите, братцы!
Стану личностью такой
Я харизматической —
Из меня попрёт дугой
В воздух электричество!
 У тебя харизмы столько —
 Я балдею просто:
 Шапка дыбом, а глаза
 Светятся, как фосфор!
Электрическое кресло
Изобрёл Никола Тесла
По такой цене крутой —
Для элиты для одной!
(Ух! Ух! Ух! Ух! Н-н-незабываемые ощущения!!!)
 Пойду ль выйду на плато,
 Сяду под ракитою.
 Не зомбирует никто —
 Всеми я забытая!
Нас зомбировать слабо —
Мы не поддаёмся!
Ну, а если захотим... (Если только захотим!) —
Сами зомбанёмся!
 Если кто чего не так
 Понял про харизму,
 Поругайте нас слегка,
 Но не ставьте клизму!
(апрель 2006)

Кайф за круглым столом (японская поэма в 3 частях)

1.

Этот – умный, а этот – ещё умнее...

О, нескончаемый кайф

За круглым столом!

2.

Встаньте! Входит мудрейший из мудрых:

Он знает, что ВСЁ – БЕСПОЛЕЗНО.

(Сразу видать!)

3.

Пепси прокисли.

Что ж... ведь даже они

Уходят в Небытие.

(22 сентября 2005)

Песня прорыва

Крысы бегут, когда тонет корабль.
Легче нам будет без крыс.
Если в такую дыру ты попал,
Крепче за воздух держись.
В уши ревёт словоблудия вал
О том, что кончается жизнь.
А только и нужно, чтоб кто-то сказал:
«Крепче за воздух держись!»
 Что делать? И кто виноват?
 Ответы пошли нарасхват.
 Но скажет наш русский дурак:
 «Прорвёмся. Не спрашивай как».

Пока наверху свистопляска идёт
И кайф за круглым столом,
Из трюма воду качает народ —
Кто горстью, а кто ведром.
Кто чем, и кто как, и во что горазд,
Лопнул давно уж насос.
И дыры порой затыкают собой,
Как издавна повелось.
 Что делать? И кто виноват? —
 Как жвачку, жуют все подряд.
 Но скажет наш русский дурак:
 «Прорвёмся. Не спрашивай как».

Вот рядом кто-то песню запел,
Смешинка в чьих-то глазах.
И значит, судьбу ты уже одолел,
Когда пересилил страх.
«В Россию верить,» – сказал поэт.
Тем паче – когда во мгле.
А нам другого и выбора нет,
Оставшимся на корабле.
 Что делать и кто виноват —
 Ответят молитва и мат.
 Поймёшь, коли ты не дурак.
 Прорвёмся. Не спрашивай как.
(июнь 2006)

Рай на земле

Как отправились мы в рай на воскресенье...
Оказался он от нас недалеко —
Там, где солнышко спускается на землю,
Где воробушки купаются в песке.
 А неделя не даёт остановиться,
 Так и жарит, как безумная, кнутом.
 И мелькают только спицы в колеснице,
 И коняга только просит об одном:
«Отпусти меня ещё на воскресенье
В это место, что от нас недалеко,
Где Утопия спускается на землю,
Где воробушки купаются в песке».
(октябрь 2009)

Детям

«Это ВАШИ проблемы», – скажут.
А подумают: «Чтоб ты сдох».
Скажут так – как говном обмажут,
Как пинка отвесят под вздох.
Дети, ЭТО не повторяйте.
По-простому скажу я вам:
Нехорошие тёти и дяди
Учат вас нехорошим словам.
(2009)

Вечер в интернете

Зимним вечером книга заплачет,
И попросится на руки кот.
А в углу монитор маячит,
Станным светом к себе зовёт.
И уходим мы в зазеркалье,
Веря в чудо за каждым углом.
Но того, что всю жизнь искали,
Мы и здесь никак не найдём.
Прёт по рытвинам и по грязи,
Как лошадка верная, «мышь».
Кто там? Кто там на дальней связи?
Поскорее меня услышь.
(декабрь 2009)

Хвала интернету

Возникла новая стихия —
Создание людских умов,
И те же в ней бушуют силы,
И раздаётся тот же зов:
«Кидай бутылки с письменами
И знай: течение в океане
Подхватит их и понесёт!
И сам не стой, разинув рот,
Лови неожиданное посланье!»
Ты, человеческое море,
Осатаневшее в борьбе!
Спеши, как на звонок по «скорой»,
На помощь самому себе.
(декабрь 2009)

Лесенка

По железной лесенке ребристой
Скачем мы, как белки, вверх и вниз.
Кто-то скажет: «Ну и пофигисты!
Видно, что такими родились».
Прыг да прыг – ступенька за ступенькой.
И не вспомнишь, как пройдут года,
Что была та лесенка крутенька,
И узка, и рёбрами тверда.
(декабрь 2010)

Прибавление дня

Третий день прибавляется день
Неслышно, незримо, за снежной завесой
Пряча мгновенья, добытые в тайне.
А вдруг он раздумает?
Вдруг перестанет
И возвратится назад,
В безысходный декабрьский мрак?
Молись. Не дыши. Не спугни.
Третий день прибавляется день.
(29.12.2009)

Молитва за Каддафи

Ливия, Ливия...
Плач Ярославны,
Не умолкай ни на миг!
Дыбом поставь все моря-океаны,
Бурю пошли, ураган и цунами,
Чтоб туда враг не проник.
Ветер-ветрило, летучий, колючий,
Мглою закрой небеса!
Сеятель смерти пусть смерть и получит!
Жги и язви их, песчаные тучи
Кинь супостатам в глаза.
Силы небесные, силы земные,
Солнечный гнев и вулканов пожар!
Встаньте, стихии, ведь вы – не слепые!
Всей вашей силою бейтесь, родные,
Чтоб устоял Муаммар!
(4.10.2011)

Этна действительно извергалась неустанно, просто бушевала. И всё же этого оказалось недостаточно.

ОНЕГИН ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Девятиклассники проходят «Онегина». Заодно «прохожу» его и я.

«Евгений Онегин» – родимая сторонка! Как славно очутиться снова здесь: всё знакомо, всё по-прежнему, ничто не изменилось – как будто дожидалось твоего возвращения. Стремительные валы пушкинских строф подхватывают тебя и несут и не дают остановиться. Но это только поначалу, при первой радости встречи. Чем дальше вчитываешься, тем больше попадаешься «подводных камней» в этом пеннистом потоке. То здесь, то там – загадки и вопросы, которых раньше не возникало. «Онегин» тот же и... не тот. Наверное, это мы изменились и теперь проходим это произведение как бы заново. И то сказать – пора! 2004 год на дворе.

1.

«Да зачем же он первым-то стрелял?! И вообще можно было стрелять в воздух...» Так отреагировал на дуэль Онегина и Ленского подросток, успевший, между прочим, за свою недлинную жизнь просмотреть десятки кровавых боевиков, где людей «мочат» пачками, не задумываясь, самыми зверскими способами.

Вот первый вопрос ребром: почему всё-таки Онегин *убил* Ленского? Мы не спрашиваем, почему он принял вызов на дуэль, это Пушкин объясняет: светские условности, общественное мнение и т. п. Пусть так, дуэли избежать было нельзя, но законы чести совсем не требуют стрелять первым и, тем более, стрелять в сердце.

Подробности приготовления к дуэли даны крупным планом, как в замедленной съёмке. Какая леденящая жуть в этих молчаливых, методичных действиях... И сам Пушкин стоит, будто скованный параличом, и бессильно наблюдает, как на его глазах происходит непоправимое: Онегин движется неотвратно, как зомби или как запрограммированный робот в современном ужастике. Кто (или что) движет им? Или это убийство было и вправду запрограммировано заранее в некоей Матрице?

Совсем недавно прошумел на наших экранах этот суперхит в трёх частях: «Матрица – запуск», «Матрица – перезагрузка» и «Матрица – революция». И как-то сразу понятие «Матрица» приобрело очень широкий смысл. Я буду привлекать его и дальше, говоря об «Онегине». Могут сказать, что это неправомерно, поскольку при Пушкине не было компьютеров. Да, компьютеров, конечно, не было, а вот Матрица была. Она была всегда, если под этим понимать реальность иного плана, где обнажается сокровенный смысл происходящего в нашем, осязаемом, мире.

Например, Татьяна Ларина ходила в «Матрицу» с помощью вот таких нехитрых приспособлений:

*Татьяна, по совету няни
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть.*

...

*А под подушкою пуховой
Девичье зеркало лежит.
Утихло всё. Татьяна спит.*

И вот что ей открылось в *той* реальности:

*Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож – и вмиг
Повержен Ленский; страшно тени
Сгустились; нестерпимый крик*

Раздался... хижина шатнулась...

Таким образом Татьяна, сама того не зная, «считала» из пространства какой-то незримый и непримиримый спор между Онегиным и Ленским.

Попробуем же проследить отношения между героями романа с самого начала и как можно внимательнее.

2.

Вот Евгений поселился в деревне. Конечно, «*и в деревне скука та же*», но здесь ему, наконец, удалось создать себе подобие душевного комфорта, насколько это возможно для него – знающего насквозь и жизнь, и людей, и насколько неприглядно то и другое: «*Тому уж нет очарований...*»

И только где-то, в самой серёдке существа, на нелегальном положении, ещё жило смутное подозрение, что есть и какая-то другая жизнь, которой он не знает. (А может быть, когда-то знал?) Однако это подозрение (по выражению Пушкина – «*роптанье вечное души*») совершенно ни к чему для человека, намеренного отбывать свой срок в этом мире по возможности спокойно, без стрессов, с удобствами и даже с некоторыми маленькими удовольствиями. И потому «роптанье» надёжно заблокировано размеренным образом жизни, кругом чтения, а главное – нерушимым бастионом своего менталитета. Такое существование Онегин привык называть свободой.

И вот появляется Ленский – единственный достойный Евгения собеседник в этом медвежьем углу. Со школьных лет памяты строки, завершающие характеристику этого юноши:

*Красавец в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.*

Расшифруем. Красавец – это понятно. Поэт – это который пишет стихи. А что такое «поклонник Канта»? Несла ли музыка этих слов какой-нибудь смысл для нас тогдашних, 14- и 15-летних? Нет. А теперь? Смущённое кряхтение.

Вернёмся к Онегину. Достойный собеседник для него желателен: это повышает комфортность существования. Этот мальчик невольно располагает к себе, хотя принимать его всерьёз невозможно: не знает жизни абсолютно, к тому же пишет стихи... Евгений в своё время тоже пытался писать. Не подумайте чего худого, конечно же, не всерьёз, а так, от скуки. Разумеется, у него ничего не вышло, и это к лучшему, право, ведь такое занятие недостойно мыслящего человека. Вы только послушайте, какой галиматьёй набита голова у этого Владимира:

*Он верил, что друзья готовы
За честь его принять оковы...*

...

*Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна...*

...

Что есть избранные судьбами

Людей священные друзья... (Старшие Братья Человечества? Интересно, откуда у Пушкина могло быть такое знание?)

Всё это несколько раздражает, но в то же время помогает Евгению ощущать своё неоспоримое интеллектуальное превосходство. А умеренная доза адреналина, как мы теперь говорим, не вредна, а даже полезна:

*Пускай покамест он живёт
Да верит мира совершенству...*

Ох, долго ли продлится это «покамест»?

Онегин – человек, безусловно, просвещённый и цивилизованный, ему, вероятно, знакома фраза Вольтера (первая заповедь демократов!): «Ваше мнение мне глубоко чуждо, но я отдам

жизнь за то, чтобы Вы его могли свободно высказывать». На поверхности всё так и выглядит. Но что делать с бессознательным стремлением человека уподобить другого – себе? Хотя, уподобление уподоблению рознь. Один хочет дать другому от своего избытка, зажечь потухший огонь, вдохнуть жизнь... Другой – погасить, опустить на землю. Потому что за чувством превосходства копошится червяк собственной ущербности. Впрочем, Евгений настолько благороден, что сдерживает свои поползновения «гасить»: «*Он охлаждающее слово в устах старался удержат*». Зачем стараться самому? За него это сделает время. И жизнь – та, которую *он* знает.

Смена кадров. 2004 год. Матрица. Агент Смит остервенело уподобляет себе всех «инакоживущих». Фантазмагория ширится: призрачные города наполняются миллионами клонов – наштампованных копий Смита.

3.

Онегин теперь и сам с трудом припоминает: как ему пришла в голову эта дикая мысль – поехать к Лариным? Зачем ему вдруг понадобилось увидеть Ольгу – «*предмет и мыслей, и пера, и слёз, и рифм*» Владимира Ленского? Да он вовсе и не хотел её видеть, он хотел просто лишний раз убедиться, что Ленский ровно ничего не понимает в жизни и что наверняка предмет его возвышенной любви – обыкновенная пустая бабёнка. Полюбопытствовал. И долюбопытствовался.

Существует давно установившееся мнение, и оно даже не подвергается сомнению, что Онегин пренебрёг Татьяной, когда она была молодой девушкой, никому не известной деревенской мечтательницей, и страстно влюбился, когда она стала великосветской дамой. Осмелюсь утверждать обратное: Онегин влюбился в Таню, едва только увидел её. Всею своей замордованной, нелегальной серёдкой он сразу почувствовал, что это и есть то настоящее ДРУГОЕ, о чём он смутно подозревал. Эта девушка не вписывалась ни в одну из его схем: Евгений не увидел её «потолка». А между тем обширный светский опыт научил его безошибочно определять этот самый «потолок» для любой женщины, да и практически любого человека.

К моменту встречи этих людей Пушкин успел рассказать нам кое-что о Татьяне. Она действительно не вписывается ни в какие схемы. «*Она в семье своей родной казалась девочкой чуждой*». И не потому что не любит родных, просто это люди разных миров. Она существует вне быта, вне общепринятых понятий и установленных правил. У неё совершенно отдельная, своя жизнь и свои правила. Мир Татьяны – это острое переживание чуда и тайны Жизни в высшем смысле этого слова, чувство слитости с этой Жизнью, огонь любви ко всему сущему. (И, как мы увидим в дальнейшем, никакие страдания не заставят её изменить этой Жизни, разлюбить её).

Эта девушка полна мечтами о жертвенной, героической любви, которая потребует всех её сил без остатка. И эти мечты, и запойное чтение романов – не пустое времяпрепровождение. Это подготовка, и очень серьёзная, к подвижнической жизни, которая ей предстоит. Так что мечтательность Татьяны совсем иного рода, чем у Обломова или Манилова. Это *уже* действие, вернее сказать, – *готовность*. Таким же образом и чтение для Татьяны – действие, а именно: активный *поиск* своего мира и людей своего мира (в окружающей-то жизни их не было).

Она влюблялася в обманы

И Ричардсона, и Руссо.

...

Воображаясь героиней

Своих возлюбленных творцов —

Клариссой, Юлией, Дельфиной,

Татьяна в тишине лесов

Одна с опасной книгой бродит,

Она в ней ищет и находит

*Свой тайный жар, свои мечты,
Плоды сердечной полноты...*

Это и есть творческое чтение: не потребление, а отдача. Именно так и следовало бы вообще читать книги. Во всяком случае, авторы мечтают о таких читателях.

Итак, всё это о Татьяне мы знаем от Пушкина. А Онегин понял это мгновенным озарением, без слов, поскольку Татьяна весь вечер молчала. Но это означает, что Онегин – человек её мира, что он – избранный, и она ждала именно его, а не первого встречного интересной наружности.

*И дождалась... Открылись очи,
Она сказала: это он!*

Что же – счастье? Подарок судьбы? Если бы...

А тем временем друзья едут от Лариных, и между ними происходит разговор, к которому стоит внимательно прислушаться. Это не пустой и малозначащий разговор, каким он может показаться на первый взгляд. Здесь Онегин выдаёт себя с головой, вот только Ленский ничего не понял, кроме того, что Евгению не понравилась Ольга.

*– Ну что ж, Онегин? Ты зеваешь.
– Привычка, Ленский.
– Но скучаешь ты как-то больше.
– Нет. Равно.*

Онегин врёт. Ленский прав: Евгений зевает действительно больше, чем обычно. Почему же? Потому что зевать не хочется, а *надо*. На самом деле он зол, он едет в прескверном настроении; всё раздражает: «*Какие глупые места!*»; «*глупая луна на этом глупом небосклоне*». Заметим: в таком коротеньком разговоре Онегин трижды повторил слово «глупый». Так что же случилось? Глупо! Глупо, что поехал к Лариным, глупо, что встретил Татьяну. Чувство к этой девушке никак не входит в его планы. Татьяна – дерзкий вызов всем его ценностям и сложившимся понятиям.

Вот как глупо пошатнулось благополучие Евгения, и это надо поскорее скрыть: от Ленского, а главное – от себя, а ещё главное – от Пушкина!

Онегин изо всех сил «опускает» сам себя, переведя разговор на пищеварительный тракт: «*Боюсь, брусничная вода мне б не наделала вреда*». Порядок восстановлен, ситуация под контролем. И вдруг, неожиданно для самого себя – бряк: «*Скажи, которая Татьяна?*»

Женя, ну что ты придумываешься? «*Которая Татьяна?*» – действительно бином Ньютона! Весь вечер у них просидел и ведь прекрасно знаешь, которая Ольга и которая Татьяна. Но что поделаешь – неудержимо тянет произнести это имя, вот и выдумал предлог. А дальше уже совсем открытым текстом: «*Я выбрал бы другую, когда б я был, как ты, поэт. В чертах у Ольги ЖИЗНИ нет*». Это в Ольге-то нет жизни? Да она вся – комочек энергии, особенно в сравнении с бледной и молчаливой сестрой. Но Онегин имеет в виду иную Жизнь. Оказывается, он знает о ней! Смотрите, какая неожиданная глубина вдруг приоткрылась в этом человеке... (И это первое чудо, совершённое Татьяной).

Но отдушина тотчас захлопнулась. (Агент Смит не дремлет!) У Пушкина так:

*Но жалок тот, кто всё предвидит,
...
Чьё сердце опыт остудил
И забываться запретил!*

4.

Прошло время, и Татьяна, пробравшись в «Матрицу» (всё в том же вещем сне), «считала» и это скрытое чувство Евгения к ней. А что это за компания монстров сидела за столом вокруг

её избранника – будто опричники вокруг грозного царя? А это и есть его опричники, которые блюдут покой и комфорт своего господина (или раба?) и подавляют всяческое «инако». Недаром «хозяин», зная, что за дверью – Таня, поглядывает в ту сторону лишь украдкой от своих «слуг».

А сам Евгений, выходит, в «Матрице» – самодержавный деспот? О, и ещё какой! Впрочем, и вне «Матрицы» Пушкин иной раз намекает на это: «уж в руки модного **тирана** ты отдала судьбу свою», «блистая взорами, Евгений стоит подобно **грозной тени**».

А что это за хибарка в лесу, где сидела компания? А это онегинская неприступная крепость, где замурована его неприкосновенная личность. Но в «Матрице» она выглядит именно как хибарка. И вот в эту-то крепость ему подбросили Татьяну!

И вскоре сию «цитадель» потрясает взрыв небывалой силы – письмо Татьяны. Вот уж, что называется, прямое попадание. Не такими ли взрывами – потрясениями излечивается душевная гангрена, подобная онегинской? Разумеется, если в человеке осталось хоть что-то живое. Это произведение Пушкина как раз и заключает в себе серию ударов по ледяной скорлупе, в которую добровольно заточил себя герой романа.

В какое состояние был ввергнут на этот раз Евгений, какая душевная борьба в нём происходила, об этом даже Пушкин говорит скупно, деликатно и осторожно. А я вообще молчу. Осмелюсь только сформулировать некоторые выводы, которые сам Онегин вряд ли формулировал словесно.

1. Я чуял, что она невычислима и непредсказуема, но чтоб настолько...

2. Какая-то безрассудная отвага... Как она смеет быть такой свободной? Как она не боится быть такой уязвимой? Ведь ничем, ничем не защищена!

3. Разве можно быть *такой* в этом подлом мире! Что с нею будет? Её унизят, раздавят, уничтожат... Боже мой, надо что-то делать.

Кажется, впервые в жизни Евгений поднялся до того, чтобы забыть о себе, болея душой за другое существо. Но, в то же время, дать волю своему чувству – означает взять на себя роль ведущего. А как ведущий Онегин несостоятелен и полностью отдаёт себе в этом отчёт. Его проповедь Татьяне в саду – акт самоотверженности, без преувеличения. И это даже больше, чем проповедь, это настоящая исповедь. Он сам сказал: «Примите ж исповедь мою...» Действительно, Онегин никогда и ни перед кем так не раскрывал свою душу. И открыл даже самое сокровенное – свой «прежний идеал», который он встретил в Татьяне. Но настолько необычны и непривычны для героя подобные душевные движения, что после этого акта почти неизбежен срыв глубоко вниз.

5.

Роковые именины Татьяны. Он не должен был туда ездить. Он вообще больше не должен был ездить в этот дом. Он и не ездил.

А Ленский тем временем продолжает навещать отшельника, хотя того уже не столь сильно увлекают дружеские беседы. Однако Ленский бывает и у Лариных, и можно иногда вежливо осведомиться: «Ну что соседки? Что Татьяна? Что Ольга резвая твоя?» (Ольга – это так, для приличия). Что делать, неудержимо тянет иногда произнести это имя – Татьяна...

Но Владимир беспросветно туп, гораздо тупее Татьяниной няни. Он готов весь вечер болтать про Ольгу («такова любовь!»). Слепой, несносный, счастливый эгоист! Евгений слушает, стиснув зубы, по лицу его бродит дежурная рассеянная улыбка... И вдруг: «... какой же я болван! Ты к ним на той неделе зван!» Непредвиденный, сокрушительный удар. Евгений не был готов к нему. Смятенный вопль: «Я?!» – единственное, что он смог произнести в ответ. И легко (преступно легко!) дал себя уговорить. Ведь втайне ему хотелось поехать и снова увидеть её.

Он снова зол на себя, но уже во много раз сильнее, чем после той, первой поездки. Всё вызывает прилив желчи: и смятение Тани, и сборище гостей. Сам виноват: проявил слабость. Нет! Это Ленский виноват! А главное – она! Надо сокрушить, сломать её. А заодно проучить и этого недоумка. Сейчас он им преподает такой урок... (В бильярде, кажется, такой двойной удар называется «дуэлет»: Онегин не зря целыми днями упражнялся на бильярде). Пусть увидят, наконец, какова жизнь и каковы люди. Правда, на логическом плане Онегин «разбирается» только с Ленским:

*Надулся он и, негодуя,
Поклялся Ленского взбесить
И уж порядком отомстить.*

За что отомстить? Что он такого сделал? Говоря по-современному, реакция неадекватная.

Не надо ходить в «Матрицу», чтобы видеть: главный удар направлен против Татьяны, чтобы уж окончательно поставить на ней крест. Начинается бал. Онегин демонстративно, на её глазах, а также на глазах Ленского, пылко ухаживает за Ольгой. Ольга сияет. Ну что, Таня? Выдержишь эту пытку? Не вынесешь! *Опустишься* до адской ревности и адской злобы на сестру.

А что же Ленский? Как он вынес свою пытку? Если в Татьяне Онегин чувствовал вызов для себя, то Ленского он просто не принимал всерьёз. У этого мальчика всё только на уровне теорий и прекраснотушных разговоров. Татьяна не рассуждает, а *живёт* ДРУГИМ, она с этим родилась. А Владимир ещё ни разу не опробовал своих благих устремлений в жизни. И вот теперь на балу он впервые лицом к лицу столкнулся с Мировым Злом. Кому-то покажется это сильным преувеличением – называть мировым злом такой мелкий случай. Ну, подумаешь, Евгений и Ольга вели себя некрасиво. Но зло довольно редко показывает себя в полный рост. Если поведение Ольги можно назвать просто легкомысленным, то со стороны Онегина это было сознательное ГЛУМЛЕНИЕ. А такое прощать нельзя. И тут Ленский показал себя героем. Вызов на дуэль – единственно достойный ответ. Евгений явно не ожидал такого серьёзного отпора.

Так или иначе, включилась адская машина уничтожения и взяла руководство на себя. Вставший на её пути Ленский должен быть смят. Онегин теперь – лишь безропотный исполнитель.

*... Онегин выстрелил... Пробили
Часы урочные: поэт
Роняет молча пистолет.*

*Мгновенным холодом облит,
Онегин к юноше спешит,
Глядит, зовёт его... напрасно.
Его уж нет.*

«Лох! До него только дошло!» – негодует девятиклассник. Да. До Онегина действительно только сейчас дошло, что если выстрелить человеку в сердце, он умирает. И притом навсегда. Раньше он как-то не думал об этом, его «знание жизни» сюда не распространялось. И вот какой ценой он получил это знание.

*...Хижина шатнулась.
И Таня в ужасе проснулась.*

Если бы она ещё секунду помедлила, то успела бы увидеть, что хижина рухнула. Теперь Евгений понял самое страшное: он убил ребёнка, и притом одного из немногих людей, которых действительно любил в этом мире.

Горе тебе, Евгений. Теперь ты бездомный бродяга, и нет тебе места на белом свете.

А что же Таня? Непредсказуема и невычислима. Она вынесла пытку. Даже тени злобы на сестрёнку не возникло в ней – только жгучая рана в сердце.

6.

Евгений далеко... Добровольный изгнанник, он, как в дурном сне, бесцельно перемещается в пространстве. Татьяна? Она осталась где-то в другой жизни. Да и была ли она вообще?

А Татьяна тем временем уже подходит к твоему, Евгений, брошенному логову и сейчас начнёт тебя изучать. Мог ли ты предполагать, что ей придёт такое в голову? А ей ничего и не приходило в голову, просто тропинка привела. (Вообще удивительна эта способность Татьяны идти без страха, доверяясь Дороге). Теперь, раз уж она здесь, нужно и войти. Давайте и мы войдём вместе с ней. Узнаёшь ли, Таня, это жилище? Помнишь хибарку в лесу? Нет, она не узнаёт, никаких ассоциаций не возникает. Но вот первый предмет, который попадает на глаза, – бильярдный кий! Тот самый, которым в «Матрице» был нанесён двойной удар Ленскому и Татьяне. И если предположить, что онегинская «опричнина» спряталась в окружающих его предметах, то этот кий среди них, верно, сам Малюта Скуратов!

Смотрим дальше: манежный хлыстик... камин... А вот и внутренние покои: стол с померкшею лампадой... груда книг... лорда Байрона портрет... И, наконец, то, к чему вёл нас Пушкин с самого начала. На этом предмете он дольше останавливает свой взор:

*И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатými крестом.*

Разумеется, этот идол просто обязан стоять здесь, в святилище Онегина. Чуть ли не на протяжении всего XIX века образ Наполеона гипнотизировал людские души в цивилизованном мире. Сумасшедшие дома были заполнены многочисленными «наполеонами». Но то были чаще всего обыкновенные забытые люди, свихнувшиеся от беспросветности серой жизни. Но и люди мыслящие, люди возвышенного духа подпадали под обаяние этого образа. А в нём и действительно есть что-то необъяснимо притягивающее.

Култ Наполеона не миновал и Пушкина, но Пушкин, переболев «наполеонопоклонством», разделался с ним в «Онегине» совершенно убийственной, пронзившей века строфой:

*... Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя.
Мы все глядим в Наполеоны:
Двуногих тварей миллионы
Для нас – орудие одно.
Нам чувство дико и смешно.*

Пояснения. 1. «Предрассудки» – это по-нынешнему «комплексы». Под этим словом обычно понимается всё человеческое в человеке, что мешает личному успеху и потому подлежит истреблению. 2. «Двуногих тварей миллионы» – это попросту мы с вами.

С этой строфой мы приехали в 2004 год. Да и вообще ПРИЕХАЛИ. И уже не так важно, каким был Наполеон в реальной жизни. Важно, чем он стал в глазах человеческих масс: воплощением того, что позже назовут Суперменом; кодексом новой системы ценностей, где властвует культ Эго, культ личного успеха любой ценой...

Нет, Евгений, тебе далеко до твоего идола. Как стало видно после дуэли, ты вовсе не супермен, как ни примерял на себя этот имидж. Слава Богу, ты просто человек.

Но мы забыли о Татьяне. Она уже погрузилась в книги, которые читал *он*. Труд Татьяны в келье Онегина можно сравнить с трудом исследователя и первооткрывателя, или вдумчивого детектива, или врача, вникающего в труднейший случай. Что-то изменилось в ней: она как бы выросла, поднялась на новую ступень осмысления. Изменилось и её чувство к Евгению: исчез этот взгляд на свой «предмет» неизменно снизу вверх; возможно, появилось и сострадание, которое является следствием понимания.

Их пути в этом мире разошлись. Возможно, навсегда. Но где-то, в таинственной и недоступной моему зрению «Матрице», они остались связанными навеки.

7.
*Дорога без конца,
Она когда-то выбрала тебя,
Твои шаги, твою печаль и песню.
Только вот идти по ней
С каждым шагом всё больней...*
(С. Баневич. Дорога без конца)

Мне кажется, что именно Татьяне Лариной удивительно подошла бы эта песня. Но ведь она – о людях Творчества, о его мучениках и подвижниках. Можно ли отнести всё это к Татьяне? Наверное, мы очень формально подходим к вопросу о том, кого считать творческими людьми. Здесь для нас критерием служит то, что поддаётся учёту: написал такие-то произведения, сыграл такие-то роли, создал картины, снял фильмы и т. д. А если главное творение человека – сама жизнь, если он гениально живёт или иначе: его жизнь – шедевр? В таком случае Татьяну можно смело назвать Художником. Да ведь и у Пушкина особое отношение к своей героине: она ему ближе всех остальных его персонажей. Это уж даже не персонаж, а второе «я» Пушкина – его лучшее «я».

Всё это я говорю для того, чтобы хоть немного оттянуть момент отъезда Лариных из деревни в Москву. Для Татьяны прощание с родными местами – как прощание с жизнью. Зачем она едет? Кому это нужно? Маме нужно, это понятно: старушка не сможет спокойно умереть, не устроив жизнь дочки. Но самой-то Тане для чего ехать? А ведь по большому счёту именно ей действительно надо ехать, что бы ни ожидало впереди. Здесь уже всё прожито, всё сделано, и больше делать нечего. Допустим, можно умолить мать остаться. Что тогда? Бесконечное переживание уже пережитого, повторение, прокручивание... Заикливание. Таня станет рабой Прошлого. Но это не её удел, она – человек Дороги. И Татьяна принимает отъезд как неизбежность. В этом тоже проявляется её гениальность: редко встречающееся в людях чувство Смысла во всём. В России оно выражается ёмкой формулировкой «так Бог велел» (помните, это няня говорила ночью Татьяне: «*Так, видно, Бог велел...*»).

Впереди новые потрясения, испытания, неизвестная новая жизнь. Держись, Таня! Предстоит испытание высшим светом – одно из труднейших. Но сейчас в жизни Татьяны наступает

безвременье, когда разрушен прежний мир и почва уходит из-под ног – самое ужасное состояние и в жизни человека, и в жизни общества.

8.

Что ж, пора нам поближе познакомиться с мужем Татьяны. Отношение к нему сложилось, на мой взгляд, несправедливое: досадная помеха счастью наконец-то нашедших друг друга Евгения и Татьяны; самодовольный «толстый генерал»; нечто из разряда мебели, окружающей его супругу; в самом лучшем случае – просто второстепенное действующее лицо романа. Так ли? А будет ли полна «энциклопедия русской жизни» (как называл роман В. Г. Белинский) без него – будущего декабриста, а может быть, и не будущего, а уже члена тайного общества? Почему я так уверена в этом? А чего же ради тогда была задумана X глава «Онегина»? Вообразить, чтобы сам Евгений Онегин подался в декабристы, – полный абсурд, туда шли люди совсем другой закваски. Муж Татьяны как раз и есть человек другой закваски, хотя когда-то он бурно проводил время в одной компании с Онегиным – своим родственником и другом. Он несколько старше Евгения: воевал с Наполеоном (что тоже характерно для декабриста) и, видимо, воевал храбро: «...муж в сраженьях изувечен», – с болью вырывается у Татьяны при её последнем объяснении с Онегиным. Таким образом, этот человек знает жизнь, но в чём-то сумел остаться большим ребёнком. Когда на балу рядом с Татьяной он «*всех выше и нос, и плечи подымал*», его распирала детская гордость: «Смотрите! Завидуйте! Умрите все от зависти!». А помните, с какой искренней радостью и каким широким жестом он потащил Онегина знакомить со своей женой. А помните, как он умеет открыто и от души смеяться, да так заразительно, что вместе с ним смеётся даже его сумрачный родственник Евгений. Оказывается, мы знаем об этом человеке не так уж мало, хотя Пушкин говорит о нём вскользь и в очень немногих словах. В то же время чувствуется, что самому Пушкину он знаком очень хорошо и симпатичен.

Увидев впервые Таню на каком-то светском мероприятии, где она сидела «*между двух тётток у колонны, не замечается никем*», генерал, что называется, обалдел и уже не сводил с неё глаз (недаром же они всё-таки родственники с Евгением). Татьяна, конечно, не была влюблена в него. Но... видимо, этот человек её чем-то к себе расположил, в отличие от прежних ухажёров (Буянова, Пыхтина и Петушкова). «*Неосторожно, быть может, поступила я. Меня с слезами заклинаний молила мать. Для бедной Тани все были жребии равны. Я вышла замуж...*» – говорит Татьяна Евгению в конце романа. Возможно, она тут больше оправдывается сама перед собой, да и Онегина щадит. Не совсем были равны для неё *все* жребии... Вряд ли Татьяна связала бы свою жизнь с человеком, с которым у неё бы не было никакого *созвучия*. А здесь это созвучие, видимо, было. Помните маленькую деталь на балу, уже в Петербурге: «*Затем к супругу обратила усталый взгляд, скользнула вон...*». Люди понимают друг друга без слов – это о многом говорит.

У меня сложилось впечатление, что муж дал ей неизмеримо больше, чем богатство, знатность и положение в обществе: он дал ей душевную опору, уверенность в себе, ощущение своей необходимости на свете. И то сказать – этот человек появился в жизни Тани как раз в самую ненастную пору её жизни, когда она, выдернутая из своей деревни в чужую Москву, в постылый свет, чувствовала себя совсем потерянной. Уж не он ли явился ей в первый раз всё в той же «Матрице» в образе косматого мишки, который по-рыцарски протянул ей лапу через ручей? По габаритам подходит...

Вот теперь, хоть и не люблю я полемики, придётся немного поспорить с Виссарионом Григорьевичем Белинским, с которым раньше я была согласна во всём, да и сейчас согласна во многом. Выписываю дословно соответствующие куски из работы В. Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая»:

«Теперь перейдём прямо к объяснению Татьяны с Онегиным. ... В этом объяснении высказалось всё, что составляет сущность русской женщины с глубокою натурою, развитою обществом, – всё: и пламенная страсть, и задушевность простого, искреннего чувства, и чистота, и святость наивных движений благородной природы, и резонёрство, и оскорблённое самолюбие, и **тщеславие добродетелью, под которой замаскирована рабская боязнь общественного мнения**, и хитрые силлогизмы ума, светскою моралью парализовавшего великодушные движения сердца...»...

«А нынче что к моим ногам
Вас привело? **Какая малость!**
Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом?

В этих стихах так и слышится **трепет за своё доброе имя в большом свете**, а в следующих затем представляются неоспоримые доказательства глубочайшего презрения к большому свету...», «...пока она в свете, его мнение всегда будет её идолом, и страх его суда будет её добродетелью...»

«Вечная верность — кому и в чём? Верность таким отношениям, которые составляют профанацию чувства и чистоты женственности, потому что некоторые отношения, не освящаемые любовью, в высшей степени безнравственны. Но у нас как-то всё это клеится вместе: поэзия – и жизнь, любовь – и брак по расчёту, жизнь сердцем – и строгое исполнение внешних обязанностей, внутренне ежедневно нарушаемых... Жизнь женщины по преимуществу сосредоточена в жизни сердца; любить – значит для неё жить, а жертвовать – значит любить. Для этой роли создала природа Татьяну; но общество пересоздало её...».

Мне понятны благие побуждения Виссариона Григорьевича, обличающего рабское положение женщины в обществе и т. п. Но давайте посмотрим: так ли всё просто, действительно ли всё процитированное относится к Татьяне?

Во-первых, обращает на себя внимание крайне упрощённый взгляд на мир женщины: ею либо движет любовь, либо расчёт. Всё. Никаких других мотивов не допускается. Впрочем, такой взгляд можно отнести на счёт незрелости нашего общества.

Сначала приглядимся внимательнее к отношениям между Татьяной и большим светом: как там обстоит дело с рабской боязнью общественного мнения. Слово – Пушкину:

*К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялись ниже,
Ловили взор её очей;
Девицы проходили тише
Пред ней по зале...*

...

**Беспечной прелестью мила,
Она сидела у стола
С блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы,
И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была.**

Это Татьяна на балу, где её вновь увидел Онегин. А вот она сама принимает гостей в своём доме:

*Перед хозяйкой легкий вздор
Сверкал без глупого жеманства,
И прерывал его меж тем
Разумный толк без пошлых тем,
Без вечных истин, без педантства,
И не пугал ничьих ушей
Свободной живостью своей.*

Безусловно, люди, принадлежавшие к высшему свету, прекрасно умели владеть собой. Предположим, и Татьяна в совершенстве овладела этим искусством, все сердечные движения загнала глубоко внутрь и «рабски» подчинилась светским условностям. Однако не всё на свете можно скрыть и не всё на свете можно подделать. Рабство, насилие над собственным сердцем всегда оставляет на человеке незримое клеймо. И люди (даже люди высшего света) ещё не настолько роботы, чтобы этого не чувствовать. От Татьяны же явно исходят какие-то иные вибрации. Вот это «*беспечной прелестью мила*» разве можно подделать искусственными приёмами, муштрой, дрессурой? Нет, простите, с рабством это никак не совместимо: одно исключает другое.

Татьяна – явление небывалое в высшем свете: её здесь *любят!* Звериным чутьём люди чувствуют её внутреннюю суть и тянутся к ней: и дамы, и старушки, и мужчины, и девицы. В чём же эта внутренняя суть? «Добродетель»? О, не надо оскорблять Татьяну этим бюрократическим словом! Нету в ней никакой добродетели, в ней есть *человечность*. (А Белинский обвинил Таню ещё и в тщеславии добродетелью... Эх!) И есть в Татьяне ещё нечто сверх того, что трудно определить словами, но оно воздействует на окружающих неотразимо: некая сила и некая тайна...

Верно, что Татьяна тяготится светом, для неё светская жизнь – лишь видимость жизни. Отчего же не оставить её? Наверное, всему своё время. А сейчас, можно сказать, эта жизнь – её долг, задача, работа:

*Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без раздражительных затей...
Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut (Шшиков, прости:
Не знаю, как перевести.)*

Теперь это французское выражение переводится ёмким русским словом «порядочность», причём имеется в виду не показная, а глубинная, внутренняя порядочность, присущая человеку. Вот в этом и состоит нынешняя задача Татьяны: в высшем свете должен присутствовать этот «верный снимок». И посмотрите: её присутствие действительно нужно здесь. Ей каким-то образом удалось сделать так, что *свет приспособливается к ней*, а не наоборот. Люди при ней стыдятся пошлости, подтягиваются, стараются быть чуточку выше самих себя. Как у неё это получилось? Ведь никому себя не противопоставляла, не произносила обличительных речей, как Чацкий... А так – «тихо, просто» оставалась сама собой. Одно слово – гений! Когда же Татьяна станет необходима где-то ещё, она оставит свет тотчас и без малейшего сожаления, тут можно не сомневаться.

А что же представлял собой Евгений к моменту новой встречи с Татьяной Лариной? Он проходит свой период безвременья. На балу он появляется в полуневменяемом состоянии. Где его носило всё это время? Где он был вчера? Как попал сюда – на этот светский раут в Петербурге? А главное – зачем? Лучше у него это не спрашивать, он не знает. Он теперь страшно уязвим: панцирь его разбился, «опричина» разбежалась. Евгения выводит из забытья шок – явление Татьяны здесь, где её не может быть, потому что не может быть никогда; явление Татьяны – преодолевшей и превозмогшей, чего тоже «не может быть никогда»... Ну да что я буду пересказывать Пушкина. Если раньше Онегин как-то ещё держал своё чувство под контролем (хотя этот «контроль» то и дело выходил ему боком), то теперь, что называется, полетели все тормоза: безудержная страсть овладевает им, как болезнь. Он вдруг обнаружил, что, оказывается, привык считать Татьяну своей. У него и документ есть, то бишь письмо хранится, где ею собственноручно написано: «*То воля Неба – я твоя!*». И теперь она недосыгаема для него. КАК ЭТО ТАК?!

*Он с трепетом к княгине входит;
Татьяну он одну находит,
И вместе несколько минут
Они сидят. Слова нейдут
Из уст Онегина. Угрюмый,
Неловкий, он едва-едва
Ей отвечает. Голова
Его полна **упрямой** думой.
Упрямо смотрит он: она
Сидит покойна и вольна.*

Такое состояние можно определить как воспаление чувства собственности. Очевидно, это и есть то самое «мелкое чувство», в котором упрекнула Татьяна Онегина:

*Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого **рабом**?*

Она только неверно поняла источник этого чувства, обвиняя Евгения в тщеславном стремлении к светской «победе». Однако обидную примесь «мелкого» и «рабского» в страсти Онегина Татьяна уловила безошибочно, и это рабское ей претит. Так реагировать может только свободная душа. Ведь в её любви, даже в самом начале, была безоглядность, было даже безрассудство, но рабства не было. Нет его и теперь.

«*Трепет за своё доброе имя в большом свете*»? А если не только за своё, и даже главным образом *не* за своё? Почему нельзя предположить, что Татьяна видит в своём муже не игрушку, не мебель, не *средство* к чему бы то ни было, а человека?

*Но я другому отдана,
Я буду век ему верна.*

Ох, как я была солидарна с В. Г. Белинским, какой резкий протест всегда вызывали во мне эти заключительные слова Татьяны. Они казались мне изуверством, и было мучительно обидно за неё. И только в 2004 году я начала догадываться, что, поступая так, она не насилует себя, а напротив – слушается себя. Она ведь не говорит, например: «Я должна быть верна» или «Мораль высшего света требует от меня...» Она говорит просто: «буду». А спроси: почему? Она и ответить не сможет. Буду – и всё. Логика здесь одна: не могу иначе. Не надо забывать, что Татьяна – художник жизни. А художника не спрашивают, почему он творит так, а не иначе. И Пушкин понял Татьяну, как художник художника.

А ведь и правда, было бы в этом что-то пошлое, нехудожественное, согласись Татьяна на «хэппи энд». Кажется, это понял и сам Онегин:

*Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражён.*

***В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружён!***

Посмотрите: а ведь Евгений стоит уже совсем вочеловеченный! Татьяна и Пушкин сделали невозможное. (А Ленский отдал за это жизнь).

И вот заключительные, тёмные и таинственные, строки романа:

*А та, с которой образован
Татьяны мильй идеал...
О, много, много рок отъял!
Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочёл её романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.*

Этот вопль горя – плач Пушкина о Татьяне – не завершает, а обрывает произведение. Что здесь Пушкин имел в виду? Ну, если учесть контекст «*иных уж нет, а те далече*» и то, что далее маячит недописанная X глава «Онегина», ясно – что: Таня едет вслед за мужем в Сибирь. И это на неё так похоже. Тем более что Пушкин и сам не так давно проводил в этот невозвратный путь свою старую любовь – Марию Волконскую (Раевскую).

...Отец твой давно уж в могиле

Сырою землёю зарыт.

А брат твой давно уж в Сибири,

Давно кандалами гремит, —

вторит Пушкину горестная концовка любимой в народе песни.

Дорога без конца... Девятиклассники вновь проходят «Онегина».

Апрель, 2004

ПИСЬМО СОТРУДНИКАМ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

из г. Котельнич Кировской области, приехавшим с выставкой в краеведческий музей Самары 30.01.2006 г.

Здравствуйте, дорогие котельничцы!

Чудесной неожиданностью было для нас (и не только для нас) знакомство с вашим музеем. Успехов вам, находок, а главное – дружбы! Тогда и остальное приложится. Теперь хотелось бы поделиться некоторыми соображениями относительно динозавров и черепах.

Динозавры

Мне кажется, что при поиске причин их вымирания не учитывается психическая составляющая. А ведь это важно! Разумеется, у меня нет никакой научно обоснованной версии, а лишь некоторое расплывчатое общее впечатление.

Динозавры очень долго господствовали на Земле. Может быть, слишком долго, т. е. беда в том, что они слишком *привыкли* господствовать. Не исключено, что при всех их «внутридинозавровых» противоречиях они ощущали себя в какой-то степени (конечно, бессознательно) единым целым, чем-то привилегированным, превосходящим по уровню развития всех прочих живущих на планете. Тут напрашивается аналогия с громадной мощной империей, которой, казалось, никогда не будет конца.

Когда же «мир начал шататься», они оказались «морально» (на динозавровом уровне) не готовы к переменам. Это выразилось в потере уверенности, эмоциональной угнетённости... Что такое быть в подавленном состоянии – это знает на себе каждый человек. Но человека ещё может вывезти человеческий уровень сознания (у кого он есть!).

Обратная ситуация с млекопитающими – бывшими, «отбракованными» динозаврами, неудачниками, «отбросами Великой Империи». Целую вечность они прозябали в ничтожестве и привыкли бедствовать. Они сделали невозможное: остались жить на Земле. Правильно говорится, что они выработали приспособительные механизмы. Но чтобы их выработать, надо было обладать запредельной психической стойкостью и проявить запредельную любовь к жизни, а конкретно – к своим детям. Одно из высших достижений – молоко – продукт любви и отчаяния на грани гибели. Простите за «литературщину».

Не преувеличиваю ли я роль психики в жизни животных? Вряд ли её можно преувеличить, ведь эмоции для них означают ещё больше, чем для людей. Да с этим уже никто и не спорит, во всяком случае, в отношении млекопитающих. Но мне хочется рассказать кое-что интересное и про черепах, поскольку нам довелось познакомиться с ними поближе.

Черепахи

*Четыре черепахи
Залезли под кровать,
Нашли пустые тапки
И сели размышлять:
Мучительной загадки
Никто решить не мог:
А что такое ТАПКИ,
Когда в них нету НОГ?
Умишки напрягают,
Но ускользает суть...
(из стихотворения «Проблемы»)*

На вашей выставке я впервые узнала о том, что черепахи – это не совсем рептилии, а ПАРА-рептилии. А ведь похоже, что так оно и есть! Поглядишь на её тело – ну жабка и жабка (если не обращать внимания на панцирь). Для себя я объясняю это так: отрыв от амфибий произошёл у них «на скорую руку», т. е. путём наращивания внешнего приспособления для защиты тела от высыхания и от излучений. Этот путь попроще и побыстрее, но перестройка всего организма не так глубока, как у собственно рептилий. Верно ли я понимаю?

У нас дома живут 4 среднеазиатские черепахи: Чипа (с 1998 года), Ась (1999), Март (2000) и Ника (2001). В первые годы мы даже вели «Черепаший дневник» (да и сейчас иногда что-то записываем), и я выберу оттуда самое интересное. Кстати, мне больно смотреть на черепах, содержащихся в террариуме. Это попросту смерть при жизни. Может быть, поэтому и распространено об этих животных представление, что они вялые, медлительные, лишены эмоций и умственной жизни. Наши черепахи живут с нами в одной комнате. Раньше они ходили по всей квартире, но когда мы завели кошку и кота, черепах изолировали в одной комнате, куда кошачий народ не допускается. С наступлением тепла мы стараемся их прогуливать, чтобы они наелись в сезон одуванчиками и прочей травкой по их выбору; особенно же они любят несозревшие семена одуванчиков. Конечно, наши условия тоже далеки от идеальных, но при более свободном образе жизни эта жизнь намного содержательнее, даже когда черепаха одна. Тем более, если есть сообщество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.